

Получив одобрение наложницы Линь, Линь Юэтянь обменялся с ней ещё несколькими словами. Хотя наложница Линь сохраняла вид полного неведения, делая вид, будто не понимает, о чём он говорит, Линь Юэтянь был уверен, что она последует его плану. Семья Линь была совсем не похожа на оригинального хозяина — по-настоящему преданного и верного. Если Чжэн Хунсюань боялся их, разве они не боялись императора? Как он уже говорил ранее, если бы у наложницы Линь не было намерений измены, она должна была бы немедленно прогнать его или арестовать при первых же его словах. Люди всегда хотят слышать то, во что верят; так было на протяжении всей истории, в любом мире.

Именно поэтому Линь Юэтянь считал поведение Чжэн Хунсюаня трудным для понимания. Если Чжэн Хунсюань был эмоционален, то почему он причинил вред своему любимому в погоне за властью, сделав это с такой холодной жестокостью? Но если он был рационален, то, учитывая, что он только что взошёл на трон, его власть всё ещё была нестабильна — сейчас было время балансировать при дворе. Даже если он хотел избавиться от старых министров, это было слишком рано. Даже отступив на тысячу шагов, если он действительно хотел это сделать, почему он начал с очевидно преданного оригинального хозяина, а не с устранения куда более опасной семьи Линь?

Линь Юэтянь мог сделать только один вывод: мыслительный процесс Чжэн Хунсюаня был слишком сложен, и, вполне возможно, он был не очень умён. Как элита своей профессии, Линь Юэтянь не мог постичь истинной логики, стоящей за этой серией действий.

[Я думаю, Чжэн Хунсюань действительно испытывал чувства к оригинальному хозяину, возможно, даже до пугающей степени, поэтому он действовал так иррационально], — предложила система свою точку зрения. — [Многие его действия кажутся противоречивыми, а его чувства к оригинальному хозяину чрезвычайно сложны.]

Линь Юэтянь удивлённо спросил:

— Правда? Если Чжэн Хунсюань любил оригинального хозяина, разве он не должен был бы лелеять и баловать его? Почему он обращался с ним так? Было бы логичнее сказать, что он питал к оригинальному хозяину глубокую обиду.

Опираясь на свои знания и десятки руководств по стратегии, система объяснила:

[Ты не понимаешь. Человеческие эмоции очень сложны. Иногда ненависть похожа на любовь, а любовь может выглядеть как ненависть. Если ты ненавидишь кого-то, ты всё равно можешь спасти его; но если ты любишь кого-то, ты можешь пожелать, чтобы он страдал в сто раз сильнее.]

Впервые у системы появился шанс сказать Линь Юэтяню: «Ты не понимаешь», и она была немного взволнована этим.

Линь Юэтянь покачал головой.

— Я действительно не понимаю.

[Честно говоря, я думаю, тебе не нужно понимать,] — искренне сказала система. — [Сердце, свободное от мужчин, владеет мечом, как бог. Я не думаю, что ты смог бы понять, даже если бы попытался, а если заставишь себя, кто знает, какой хаос ты можешь устроить... Это было бы ужасно.]

Покинув дворец Ганьцюань, Линь Юэтянь немедленно отправился на поиски любимца Чжэн Хунсюаня, Юэ Цзюня.

Линь Юэтянь твёрдо решил избавиться от этого человека — не из-за ревности или каких-либо эмоциональных причин, а потому что Юэ Цзюнь был единственным, кроме Чжэн Хунсюаня, кто знал правду о личности Линь Юэтяня и о том, что премьер-министр Линь, обвинённый в измене, всё ещё жив.

Линь Юэтянь не знал настоящего имени Юэ Цзюня. Он знал только, что этот человек изначально был куртизанкой из увеселительного заведения в Цзяннани. Поскольку он имел небольшое сходство с оригинальным хозяином, Чжэн Хунсюань взял его к себе и дал ему имя «Юэ Цзюнь». Этот «Юэ» отсылал не к луне в небе, а был намеренно взят из имени «Линь Юэтянь» — значение слишком очевидное, чтобы его игнорировать. После того как оригинального хозяина оскопили, Чжэн Хунсюань даже выставил Юэ Цзюня перед ним, насмехаясь.

Для оригинального хозяина делиться именем с простой куртизанкой, насмехаясь над его судьбой — теперь ещё хуже, чем у наложницы, — было унижением, которое он не мог вынести. Возможно, его самоубийство отчасти произошло из-за этого.

Но всё это уже не имело значения.

Линь Юэтянь не сделал ничего необычного. Когда он прибыл в покои Юэ Цзюня, он просто велел ему тихо следовать за ним. Юэ Цзюнь, естественно, отказался и потребовал объяснений.

Линь Юэтянь притворился сломленным и отчаявшимся, скрипя зубами, сказал, что Его Величество призвал их обоих.

Юэ Цзюнь сразу предположил нечто довольно неуместное. Хотя такие вещи никогда не передавались ему через Линь Юэтяня раньше, императорские прихоти были непредсказуемы. Кто мог сказать, что Чжэн Хунсюань не придумал что-то новое? Он не осмелился рискнуть оскорбить императора, поэтому последовал за Линь Юэтянем без подозрений. Система же вздохнула и причитала всю дорогу, даже проигрывая в сознании Линь Юэтяня песню "Не разговаривайте с незнакомцами."

Линь Юэтяню это показалось забавным. Юэ Цзюнь едва ли был незнакомцем для оригинального хозяина. Кроме того, по его опыту, большинство преступлений совершались людьми, близкими к жертве. Избегание незнакомцев мало чем помогло бы.

Линь Юэтянь привёл Юэ Цзюня к уединённому колодцу в императорском саду.

— Когда придёт Его Величество? — спросил Юэ Цзюнь, всё ещё сохраняя высокомерие любимого наложника.

— Очень скоро, — тихо сказал Линь Юэтянь. — Обещаю, очень скоро.

Он поднял с земли камень — он был довольно тяжёлым, требовалось держать его обеими руками.

Линь Юэтянь был прав. Всё произошло очень быстро. Его принцип в действиях был прост: застать врасплох. Система увидела только, как Линь Юэтянь поднял камень и ударил Юэ Цзюня по затылку с точной силой. Юэ Цзюнь издал приглушённый стон и рухнул, как падающий лист.

Система, разрываясь между ужасом и оцепенением, спросила:

[Ты убил его?]

— Нет, он просто без сознания. Он не мёртв, — Линь Юэтянь положил камень и использовал платок, чтобы вытереть его. — По крайней мере, пока нет.

Система, чутко уловив подтекст, спросила:

[То есть он скоро умрёт?]

Линь Юэтянь одобрительно кивнул.

— Ты становишься умнее.

Затем система наблюдала, как Линь Юэтянь использовал технику маскировки, чтобы превратить лицо Юэ Цзюня в лицо оригинального хозяина, а себя замаскировал под Юэ Цзюня. Он достал белую шёлковую ленту — ту самую, которую оригинальный хозяин использовал для повешения. Прикусив палец, он скопировал на неё скорбную, заплаканную предсмертную записку оригинального хозяина.

Оригинальный хозяин был красноречивым мужчиной, и его письмо было наполнено всей горечью, любовью и ненавистью жизни. Каждое слово жгло, каждое предложение ранило. Он говорил о прошлом, о сожалениях, о достоинстве и позоре. Последняя строка гласила: «Ваше Величество, пусть мы никогда больше не встретимся ни в одной жизни».

Линь Юэтянь не скопировал это. Вместо этого он заменил её фразой, более похожей на «Даже после смерти я не прощу тебя».

Написав, он сложил ленту и спрятал её в пояс своих одежд. Затем, поменявшись одеждой с Юэ Цзюнем, он использовал пятьдесят очков, чтобы залечить рану на голове Юэ Цзюня.

Наконец, он толкнул Юэ Цзюня в колодец.

Стоя у края колодца, Линь Юэтянь прислушался к звуку тела, ударившегося о воду. Вскоре всё снова стихло. Он заглянул в глубокий, тёмный колодец — он выглядел как чёрный глаз, ничего не выдавая.

— Всё идёт по плану, — прошептал Линь Юэтянь, и на его губах появилась лёгкая улыбка.

[Какой у тебя план? Ты же сказал, что расскажешь мне!] — система кипела от раздражения.

— Не торопись, — небрежно сказал Линь Юэтянь. — Ты скоро узнаешь.

Замаскированный под Юэ Цзюня, он вернулся в покои и стал ждать, когда наложница Линь, как и планировалось, сообщит, что Линь Юэтянь пропал.

<http://bllate.org/book/14576/1291614>